

МАГИЧЕСКИЕ КВАДРАТЫ И ПУЛЬС БУДУЩЕГО

Магические процессы и методы Уильяма С. Берроуза и Брайона Гайсина

Быть Первым: Измени То, как Смотришь = Измени То, что Помнишь

Наши самые ранние «воспоминания» позаимствованы у других. Обычно это различные события и случаи, забавные истории о том времени, когда мы были совсем маленькими детьми, или даже младенцами. Истории из того периода в нашей жизни, который мы сами не можем вспомнить. На этом фундаменте мы строим наши сознательные, личные воспоминания.

Обычно мы не особенно сосредотачиваемся на их достоверности или смысле, предполагая, что эти первые истории (рассказанные, как правило, родителями) являются правдой, а не самостоятельной отдельной мифологией. Тем не менее, пусть и с самыми благими намерениями, эти воспоминания уже отредактированы – кое-что в них подчеркнуто, а что-то замазано в соответствии с точкой зрения другого человека, события прошлого обработаны и даже снабжены собственным значением и важностью, они выбраны таким образом, чтобы описывать нас до того как появится наша собственная ЛИЧНОСТЬ.

Все сведения о нас истинны. Все они ложны. Все сведения о нас истинны и ложны одновременно. В силу невежества мы воспринимаем данное нам описание буквально, создавая разрастающуюся программу, избранную не нами. Мы – отредактированные продукты генетики, находящиеся в поиске личности, обладающие лишь обрывками информации и не представляющие чужих мотивов и ожиданий.

(Здесь я должен отметить, что Брайон Гайсин утверждал, что способен вспомнить, как он находился во чреве матери, родовую травму, ужас прибытия «по неправильному назначению» и все последующие события. Я ему верю. Я также подозреваю, что именно это отчасти сделало его столь замечательным, важным и эффективным в качестве культурного инженера и инноватора, волшебника света и языка – в качестве мага).

Эти унаследованные отрывки памяти являются маленьким паззлом, образом, который содержит впечатления о том, «каким ребенком мы были» в глазах наших родственников. Пусть необязательно со злым умыслом, они подталкивают нас в направлении несбалансированного, предвзятого отношения к тому, кто мы есть.

Эти фрагменты памяти легко могут стать наброском нашего характера, созданным нашими родителями, чертежом, закрепляемым повторениями, из-за которых его всё труднее опровергнуть со временем. Мы хотим радовать наших родителей, делая то, что они просят, на нас также влияет их недовольство, заставляя и то и другое подкреплять наше осознание себя в рамках заданного описания.

Что хуже всего, хотя наши близкие этого и не хотят, внедренные ими установки и карты становятся метафорами/усилителями/определителями/указателями для сохраняющегося на протяжении жизни невротического образа себя. Предпочитаемыми нами впечатлениями о том, кто мы есть, кем, как мы представляли, мы являемся, кем нам приказывали быть, кем мы ожидали, что будем, какими мы будем взрослыми. И, разумеется, установки от близких постоянно работают у нас в голове как пример, как миф, который рассказывает нам, как воспринимать мир и каково в нем наше место.

Повторяющаяся раз за разом, обосновывающая себя, восполняющая себя, запись-самоисполняющееся пророчество в которую мы погружаемся без какой-либо информации, которая бы подсказала нам, что мы могли бы ждать и видеть, слышать и

наблюдать, спрашивать, информации, которая бы подсказала нам о самой возможности изменять эту запись, для того, чтобы увеличить наш возможный потенциал.

Если наш образ самих себя построен в первую очередь на неполной, неоднозначной, предвзятой, не единожды отредактированной памяти других людей, с их собственными идеями относительно того, кем мы должны стать. Ввиду этого неестественного отбора восприятия, фундаментально воздействующего на нашу жизнь, важнейшими для нас являются способы и инструменты, которые позволят нам установить контроль за способами восприятия, которые позволят создать себя – характер и личность, которые были бы полностью и независимо нашими.

Любая магия, позволяющая нам это делать, сакральная и профанная – это вопрос выживания, чрезвычайно важный вопрос для эволюции как нашего вида, так и нас самих. Если кратко, мы говорим о волшебной территории, которая опознает поведение, восприятие и характер, такой же пластичной, как и остальные виды материи, различаемой (пока что) только в нашей повседневной уверенности в том, что мы существуем.

У нас есть выбор, смерть и сомнение как знаки нашей индивидуальности. Если и есть некое право, право рождения, так это право человека создать СЕБЯ.

Быть Вторым:

В заранее записанной Вселенной – кто сделал первую Запись?

В буквальном смысле начало моей жизни мне не принадлежит. Первые мои «воспоминания» это, на самом деле, короткие истории, которые описывают то, что когда-то происходило с моим участием, события, о которых я не имею никакого представления.

Что интересно, они все вращаются вокруг того, что я что-то «натворил», что отрицательно повлияло на других (по убеждению родителей) и в чем меня «обвиняют». Чужие ошибки обыденным образом оказались прямо у меня на пороге – классическое «дурное влияние».

Значительную часть моей жизни я просто принимал на веру эти постыдные происшествия. Я даже сам их вспоминал, многие годы спустя, не подвергая их достоверность сомнению, несмотря на то, что я узнал уже, насколько источники этих версий могут быть субъективны, избирательны, личностны и эгоистичны. Мы сознательно и бессознательно редактируем всё таким образом, чтобы это подходило нам, прагматически, манипулятивно, так, чтобы что-то происходило. Здесь кроются корни детского театра глубинной поведенческой магии, формы магии, которая, к сожалению, страдает от того, что происходит из фанатичного невежества и лишена шаманского руководства. Одним из определений магии, если желаете, будет «наука о том, как производить изменения в соответствии со свой Волей» – чтобы полностью управлять вашей жизнью и ее обстоятельствами, создавая, в итоге, Вселенную, которая бы была добрее по отношению к вам.

Это все может казаться отвлеченными размышлениями и, быть может, для многих так оно и есть. Для меня вышеописанное стало ключевым фактором, толчком к непрерывному исследованию, к потребности в эмоциональном выживании как творческого существа, желающего освободиться от накладываемых путей бытия, начатых непрошенными гостями в том записывающем устройстве, которым является мой личный опыт.

То, из чего я создаю свою душу и есть мои записи. Акт независимо представленного и сознательного соиздания образует тот феномен, который я называю и воспринимаю как «Я». Если я не тот, кто, как мне сказали, я есть, тогда кто же я? Ещё важнее то, удастся ли мне найти способы изменить исходные записи и унаследованные конструкторы и стать тем, кто я

есть, или, лучше, тем, кем я хочу стать? Можем ли мы создавать самих себя? Существуют ли методы, примеры, трюки и техники, методы и безумие, анализ и иллюзии, которые усиливают моё Я?

Очень легко стать жертвой давления своих близких. Ожиданий родителей. Эмоционально травмирующих историй, которые связывают вину за отрицательные события с вашей личностью и поведением. Нас пинают, пихают, давят и угрожают, заставляют подчиниться и раскаяться. Я думаю, в какой-то момент каждой жизни человек оказывается перед критическим выбором, классическим клише – перекресток, и две дороги в жизни.

Я предполагаю, что когда это происходит, стирается грань между не-чувствуемой реальностью, согласованными записями, более или менее управляемым и предсказуемым сроком биологического существования и/или возможностью переопределения восприятия себя и микширования перезаписей. Микширования, бесконечного и хаотического, создающего абсолютно уникальные и оригинальные комбинации и взаимодействия определяющих и самих себя порождающих записей, собранных по собственной свободной воле.

Вместо той нашей личности, что была (во всех мыслимых и немыслимых смыслах этого слова) создана другими, мы можем создать свою собственную, и владеть ей.

Эти мысли захлестнули меня в 1967 году. Была ли такая система, способ изменения, управления, разрыва и восстановления модели поведения, персоны, творческих сил и восприятия, чтобы моя личность могла бы воспринять нечто новое и удивительное, неожиданное, импровизирующее, используя меня самого в качестве сырья, столь же физически и умственно пластичного, сколь может быть пластичен любой другой материал? Могу ли я изменить свой способ восприятия и переписать свою память? Я считал, что существует способ по-настоящему жить своей жизнью и сделать свое искусство неотъемлемым ее дополнением. Я приступил к поиску системы прикладной магии, сосредоточенной на созидательной силе.

Вам может показаться, что двое битников – это довольно забавное начало для поисков современной и действенной магической системы. На деле, это оказалось то самое, чего я искал, и, как я и надеялся, это изменило мою жизнь, позволив мне создать, ясно представляя свои намерения, то божественное существо, находящееся в поиске божественного, которым я хотел стать.

Если создан я был на основе тех унаследованных, принятых на веру воспоминаний, на представлениях, переданных мне через язык и образы в соответствии с чужими целями (это можно представить как культурное ДНК личности), мне необходимо было противостоять всемогуществу контроля слова. Для моего выживания как разумного существа было необходимо отыскать наиболее способных алхимиков, самых радикальных в своей области, чтобы перенять от них то, что я смогу, из стратегий самосозидания, а не подчинения, которые позволят персту удачи указывать на вас чаще, чем в случайном порядке.

(В 70-х годах в Париже Брайон Гайсин указал мне на крайнюю важность того факта, что самая первая глава библейского Бытия называется «Сотворение». В ранней “поэме трансмутации” он также указывал на это: «В начале было СЛОВО и СЛОВО было Богом»).

В первый раз мы встретились с Уильямом С. Берроузом в Лондоне, на Дюк Стрит в 1971 году после краткой переписки. Я чувствовал себя странно и мне все это казалось нереальным, поскольку я открыл для себя его существование как загадочного персонажа «Быка Ли» у Керуака. Когда в 1965-м я узнал, что на самом деле это был реальный человек, я отправился в порнорайон Сохо, где и наткнулся на первое издание «Обеда Нагишом», с обложкой от Брайона Гайсина. Книга была запрещена за «неприличность», так что в то время порномагазин был единственным местом, где можно было купить Берроуза, Генри

Миллера, Жана Жене и многое другое, что я в свои пятнадцать лет проглатывал как пищу для становления моего Я. Прошло шесть лет, и моим первым вопросом ему, живой и дышащей легенде битников во плоти, было... «Расскажите мне о магии».

Быть Третьим (Разумом): Здесь нет ничего, кроме записи

У Уильяма было вырезанное, наклеенное на картон фото Мика Джаггера, стоящее возле его книжного шкафа. Его значение было связано не с рок-н-роллом, а с ритуалом артистического Представления в принципе. На телевизоре стояла полная бутылка «Джек Дэниэлс» и лежал дистанционный пульт управления, которых в те годы я еще не видел.

Уильям несколько не был удивлен моим вопросом. «Выпьешь?» – спросил он. «Конечно», – ответил я, нервничая и, что редко со мной в жизни случалось, пребывая в благоговении. «Что ж... на самом деле реальность, знаешь ли, вовсе не такая, как ее представляют», – продолжал он. Он взял пульт управления и начал переключать каналы, делая нарезку из телепрограмм. Я осознал, что он учит меня. Одновременно он включал и останавливал запись на своем видеомagneтoфoнe «Сони», случайным образом перемешивая нарезку с более ранними записями. Они перемешивались с нашей беседой, безо всякой связи, являясь мгновенным голографическим образом информации и среды.

К тому моменту я уже знал многое, однако то, о чем рассказал мне Билл тогда, стало узловым моментом в раскрытии моей жизни и искусства:

Все записывается. Если что-то записывается, оно может быть обработано. Если оно может быть обработано, тогда порядок, смысл, значение и направление столь же произвольны и зависят от личности, как и программа и/или сознательная личная редакция. Это и есть магия. Потому что если мы видим вещи не как итоговый факт, но в процессе развертывания – вне зависимости от исходного порядка и/или намерений, в соответствии с которыми они были записаны – в этом случае у нас есть возможность управлять тем, как развертываются события. Если реальность состоит из серии параллельных записей, которые, как правило, не вызывают никаких сомнений, то реальность остается постоянной и предсказуемой до тех пор, пока не возникнут сомнения и/или записи не будут изменены сами или не будет изменен их порядок. Такое представление приводит нас к идее нарезки как магического процесса.

На этом месте мы открыли бутылку крепкого ликера и налили себе по стакану. Нам показалось, что она опустела почти моментально.

Диктофон как магическое оружие

То, что мне было рассказано, изменило течение моей жизни во всех возможных измерениях и смыслах этого слова. Берроуз рассказал, как в течение демократического конвента в Чикаго в 1968 году он бродил, записывая шум демонстраций йиппи, бунты, реакцию и насилие со стороны мэра Дэли. Гуляя, он случайным образом включал и выключал запись, создавая нарезку из окружавших его звуков, создавая нелинейный во времени коллаж.

Берроуз обнаружил, что когда появлялась конфигурация «тревожных звуков» (полицейских сирен, криков, скандируемых лозунгов) – в том, что нам известно как «реальный» физический мир учащались и реальные проявления и/или выражения, соответствующие этим звукам.

Его следующим экспериментом была работа с «пассивными» окружающими аудио-ландшафтами для проверки его представлений и проверки их воспроизводимости. Как впоследствии объяснял мне Уильям, с помощью того, что впоследствии стало легендарной акцией, он решил более «научным» образом проверить теории, над которыми он работал вместе с Брайоном Гайсином, в которых «реальность» рассматривается как линейная запись, как пластичная среда или элемент, который, если это действительно так, может быть изменен, отредактирован или стерт, удален и модифицирован, если угодно.

Неподалеку от Дюк Стрит (где он жил тогда в добровольном отшельничестве, выбор, который я сам вынужден был сделать много лет спустя) было простое британско-греческое кафе под названием «Мока Бар», где он мог иногда расслабиться и съесть классический английский завтрак – чипсы, тушеная фасоль, яичница, поджаренные помидоры, грибы и тосты с большой чашкой чая или растворимого кофе. Ничего особенного. Самое обычное место. На деле, идеальное место для того, чтобы встретиться с заносчивостью и снобизмом, грубостью и дурным обхождением со стороны обслуживающего персонала.

Однажды, в один из дней, когда все краски кажутся сгущенными, избыточными и подавляющими, Уильяма встретили с особым презрением, с резким, грубым, отвратительно агрессивным и возмутительным непочтением, которое выходило за рамки минимально приемлемого поведения такого рода. Грубость и мелочность были таковы, что Уильям поклялся никогда там больше не обедать. Кроме того, однако, его отвращение и гнев были столь сильными и неугасающими, он был столь беспокоен и зол, что почувствовал себя вынужденным прибегнуть к эксперименту с «волшебством» (он сам так назвал это, обратите внимание). Какой же вид приняло проклятие Берроуза? Представляю вам его первый урок современной интуитивной и действенной магии.

Уильям взял свой диктофон «Сони TC» и стал методично прогуливаться перед оскорбившим его кафе во время завтрака и в другое время дня, записывая на кассету уличные шумы, создававшие акустический фон этого места. Полевые записи, воплощающие типичный день в звуках улицы. Потом, придя к себе, он начал записывать «тревожные шумы» в разных местах этой кассеты поверх существующей записи. Там были полицейские сирены, выстрелы, взрывы, крики и прочий хаос, заимствованный в основном из теленовостей. Он вернулся к кафе и снова ходил туда-сюда по улице, воспроизводя нарезанную кассету с «тревожными звуками». Очевидно, нет необходимости проигрывать кассету очень громко, просто нужно подстроить громкость так, чтобы прохожие в нескольких метрах не замечали дополнительных звуков в качестве чужеродных. Процесс повторяется несколько раз, и для случайного наблюдателя в этом не будет ничего подозрительного. «Человек-невидимка» в деле. И очень скоро кафе закрылось! Оно не просто закрылось, это место оставалось пустым еще много лет, никто не хотел арендовать его, за деньги или просто так.

На этом месте нам было бы неплохо принять, что каждое человеческое существо неизбежно является центром своей Вселенной, мира ощущений и опыта. Только ТЫ присутствуешь физически каждую секунду своей собственной жизни и, в результате, каждый человек или событие, которое происходит без твоего физического участия, является частью чьей-то чужой отдельной вселенной. Разумеется, бывает так, что присутствуют другие люди, и они, вероятно, будут считать, что вы все находитесь в одной Вселенной вместе. Однако – спросите у любого копа – слышал ли он одинаковые истории от разных свидетелей, или одинаковые описания подозреваемого – и он, не задумываясь, скажет, что никто не видит и не слышит то же самое, что другие, и точно так же люди не обладают одинаковой способностью описать или вспомнить то, что они, как им кажется, запомнили. Другими словами – общепринятая реальность это просто совмещение приблизительных записей,

сделанных ошибающимися био-машинами. Фон нашей повседневной жизни – почти что хрупкая киноплёнка, воспроизводимая и создаваемая суммой того, чему люди позволяют проникнуть через свои чувства. Иллюзорный материальный мир, созданный единомоментно, секунда за секундой, не является общим для нас. Он лишь кажется существующим, пока наше тело проходит сквозь него. После этого его существование становится вопросом веры, и то, что мы воспринимаем его как нечто непрерывное, является лишь нашим предположением о том, что мы можем в него вернуться по нашему желанию через некоторое время.

Вполне возможно, что энергия или феномен, который создает постоянное ощущение постоянства и материальности на этой земле – это одновременное давление миллиардов человеческих существ, которые, в общем, верят в то, что они слышат и видят. Запомните, история – это коллективные записи следовавших друг за другом людей и нашего вида. То, что осталось, то, что было запомнено или сохранено в какой-либо форме, обычно рассматривается как история развития нашего вида. Однако же, мы более чем уверены, что отдельные события записываются по мотивам тех, кому это выгодно: злые семьи, догматические религии, демократии и тоталитарные режимы совместно осуществляют процесс редактирования.

Мое воображение поразило то, что вся планета сама является записывающим устройством. Благодаря археологии, антропологии и аналитической науке мы открыли для себя бесконечные подробности о событиях, произошедших миллионы лет назад. Кроме того, почти каждый период истории человеческого вида продолжается и сейчас, один рядом с другим. Африканские бушмены живут доисторической жизнью, племена в Новой Гвинее остались в каменном веке; другие – в варварском средневековье; целые общины в центре Америки продолжают жить почти что в фундаменталистском обществе викторианской эпохи; в то время как другие, в местах вроде Кремниевой Долины или Токио, живут в мире будущего из научной фантастики. Это весьма примечательно. Бесконечные микрореальности сосуществуют одновременно, различаясь самим понятием «реальности» и бесчисленные социальные макрореальности существуют, сталкиваются и борются за превосходство, обладая возможностями редактирования и описания глобальной «реальности».

Здесь мне кажется уместным напомнить читателю, что это эссе, как часть антологии, может быть лишь кратким обзором сложных и масштабных примеров того, что можно найти в любых проявлениях медиаторчества Уильяма С. Берроуза и Брайона Гайсина.

Поскольку Берроуз был воистину классиком литературы XX века, а Гайсин был классиком художественного «ренессанса» XX века – вместе они оставили нам в наследство интуитивную науку и пророческое признание смысла, ключевой подход к вопросам восприятия, природы и происхождения литературы и искусства.

Сейчас они могут быть вполне оценены и, наконец, в полной мере поняты, в выражениях их центральных и властных внутренних устремлений и одержимостей, если их повторно рассмотреть и переоценить в качестве серьезных, сознательных и искусных творческих и культурных алхимиков и практикующих магов, миссия, для обозначения которой я позволил себе языковую вольность, создав термин «Инженер Культуры».

Этот необычный союз развивался тоже необычно, после того как их сотрудничество началось в «Бит-Отеле» в Париже в период с 1957 с 1963, оно немедленно, погрузило их в удивительное путешествие в пред-материальное сознание, место, где осуществляется прямая и непрямая связь с нервной системой; где ничто не является застывшим и постоянным.

Все истинно и все дозволено; там, где древнее программирование держит в плену правду о том, кем и чем мы являемся, и где даже слова являются потенциальными агентами врага и устройствами искажения, поддерживающими подавление нашего потенциала как

разумных существ. Эта бессловесная «Интерзона» была «невообразимой» даже для такого свободно мыслящего поэта, как Аллен Гинзберг, который чувствовал, что она «угрожает всему».

Нередко люди проявляют признаки страха и неуверенности., когда сама материя защитного занавеса их «реальности» рассыпается, разрушается, крошится и затем нарезается, открывая ключевую возможность божественности и любви во всех вещах и их восприятии.

Попытка отпустить последние связи с унаследованной линейной пространственно-временной «реальностью», собранной из отфильтрованной сути твердеющей повседневности, может быть болезненной. В магической Вселенной всякая и каждая вещь пластична, изменяема, взаимно связана на незримо глубоких уровнях, уровнях столь тонких и субатомных, что сознание и намерение может влиять на них.

“Намерение есть труд представления и воплощения воли”.

Рей Харт «Незавершенный человек и воображение»

Часто упоминается, будто Гайсин сказал Берроузу, что «Письмо на пятьдесят лет отстало от живописи», что означало, что живопись начала ставить под вопрос все традиционные границы и шаблоны. Даже рассудок и предмет стали произвольными и ненужными маркерами. Предложив нарезку и все её проявления, Гайсин, успешный «шаман», как правильно назвал его Берроуз, дал своему товарищу магические инструменты, потребные для потрясающего творческого пути – откровения, воплощенного в литературе. Их запутанная и ослепительная история и их действенные, лишённые налета мистики техники и процессы продолжают просачиваться в современность, подготавливая различное грядущее.

Я верю в то, что прочтение их трудов с магической точки зрения лишь подтвердит то, что они сами приняли в себе – то, что они были могущественными современными магами. Иной взгляд на них сослужил бы нам дурную службу. В пост-цифровой век, когда мы создаем наши собственные «туннели реальности», я убежден, что настоящее развитие нашего вида и не-разрушительная эволюция, антитеза поляризации, является самым важным для нашего выживания с сохранением этической чести.

В еще более метафизичном мире физики идет параллельная последовательность «открытий» настолько же важных для науки, как система магии «нарезок» для культуры, которые могут потенциально изменить наше понимание вселенной и «реальности». По мнению физика Дэвида Бома (излагая настолько просто, насколько у меня получается) всякое видимое разделение между материей и сознанием является иллюзией, артефактом, происходящим от, или возникающим только после того, сознание и материя сплетаются в «видимый» мир вещей и линейное/последовательное время. Как и можно ожидать, другим полем будет «спутанный» мир, который будет включать все внутренние «миры» (включая мысль), которые находятся вне линейного времени и сосредоточения чувств. Что будет принято в качестве нематериального поля сознания? Исследования Бома привели его к мысли, что на субквантовом уровне, в котором действует квантовый потенциал, прекращает существовать понятие места. Все точки пространства идентичны друг другу, и бессмысленно говорить о том, что что-то отделено от чего-то другого.

Что интересно, шаман чейенов/апачей много лет назад рассказал мне, что в его клане не было слова, обозначающего смерть; вместо этого они для этого понятия используют слово «отделение». Схожим образом святой шиваитов Пагалананда Натх Агори Баба провел много

часов депрограммируя мой линейный западный материализм, чтобы я мог лучше понять концепцию «пути неразделения». Древнеегипетский мудрец Гермес Трисмегист объяснял эту идею абсолютной отчужденности тысячи лет назад, когда учил «Внешнее всех вещей подобно внутреннему, а малые вещи подобны великим».

И теперь, наконец, после многих эпох, у нас есть согласие по поводу великой важности этого беспрецедентного и радикального пересечения мистики, науки, шаманства и творчества. Отчасти из-за отсутствия адекватного языка и отчасти для маскировки их тайных идей, чтобы остаться в живых, различные просветленные визионеры, часто «еретики» своей эпохи, использовали заворачивающие мозг метафоры для описания вселенной объективной «реальности» как иллюзии.

То, что пытаются описать нам ученые – это Вселенная, где, по мнению таких мыслителей как Нильс Бор и прочие, субатомные частицы требуют наблюдателя, чтобы возникнуть и не возникают без присутствия наблюдателя. Еще важнее то, что, если отвлечься от каждого из нас, наблюдателя в центре нашего индивидуального существования, Вселенная – это безмерное резонирующее царство вибраций, открытая вероятность, которая превращается в этот мир, в то время, как мы полагаем, что мы открываем его при помощи наших чувств и впускаем в свой мозг.

Мир декодируется/кодируется/вне-кодируется (что-то из этого или все сразу?), по мере того, как создается в соответствии с измерениями линейного времени и пространства и, как я считаю, в соответствии с нашими культурными представлениями. Похоже, те, кто находится на пути божественного, научного и творческого, объединяются в согласии относительно сердца мира, объединяя первичную реальность как цельное, невидимое единение, действующее как живое существо, или (моя любимая аналогия) как коралловый риф. Так что, в то время как мы, миллиарды людей, мечемся, на практике взаимодействуя с окружающим миром, различные объективные события, касающиеся всех намерений, происходят с нами в конкретных местах, на субатомном уровне происходящее отличается. Бом утверждает, что на субатомном уровне все точки пространства равны всем другим точкам пространства, они – нелокальности. Так что, цитируя Джона Леннона «Нет ничего настоящего», – добавим, – «Да и никогда не было!».

Как итог: Вселенная есть единый источник, бесконечное, открытое, безвременное, запутанное, всенаправленное поле вибрации, находящееся в постоянном течении, которое кажется обладающим вещественной формой и материальной цельностью только тогда, и только потому, что мы наблюдаем его. А мы его наблюдаем. Мы наблюдаем снова и снова, мы одержимы процессом записи (только подумайте о сотнях папарацци, фиксирующих каждое движение Джей-Ло) и храним наши записи в огромных музеях, библиотеках, базах данных.

Эти огромные склады могут поддерживать общество, обнажая интересный антропологически метод самоподдерживающейся структуры – наша вера в содержимое наших хранилищ информации действует как аккумулятор, заряжающий и активирующий социальную голограмму, которую мы создали как нечувствительную реальность для обеспечения постоянства, последовательности, целостности и даже относительной осмысленности, голограмму, обладающую достаточной устойчивостью и надежностью для того, чтобы мы могли выжить в качестве биологических разумных существ.

Тем не менее, мы ожидаем, что вещи всегда будут оставаться прежними, что запись останется записью, и что если люди в достаточном количестве будем продолжать «создавать» записи по привычке, со временем... да... тупик!; однако записи не становятся более «реальными», несмотря на эффект материальности, порождающийся повторением.

Не является совпадением и то, что и в доктринерских/догматических религиях по всему миру, в так называемых «примитивных» племенах и/или шаманских обществах, в ритуалах общественных и тайных западных магических и/или масонских орденов, или в экстатических и древних ритмах, вводящих в транс, песнопениях, которыми они сопровождаются – повторение ключевых слов силы является неотъемлемой частью, как феномен вызова и ответа, обратной связи.

Даже на самом глубоком уровне отношений с безмерным частотным полем, со Вселенной как единым открытым источником, не имеющим местоположения, мы пытаемся поддержать и закрепить заблуждения наших чувств. Назначением этих различных «служб» является коллективное воссоздание социальной реальности, неразрывно связанной с нашим языком, словами и именами, с приверженностью силе этой истории, и, таким образом, что забавно, для того, чтобы саму суть жизни связать с этим привычным повторением. Зачем? Чтобы предсказать и контролировать её. Часто, сами того не желая, мы даем силу людям, которые, соучаствуя в этих ритуалах, обеспечивают постоянство этого процесса.

Настоящее скрытое учение, передаваемое через века, ключевая тайна – это Контроль. Почему те, кто осуществляют Контроль, стремятся сохранить его? Ради него самого. Как они осуществляют Контроль? Управляя историей, преобразовывая нашу коллективную память, сознательную и бессознательную. Во многих отношениях эта редакция – это невидимый язык Контроля и его корпоративных союзников. Они вырезают и вставляют куски, чтобы отделить нас друг от друга, вводя нас в пре-записанную реальность, непрерывно изолирующую нас в мире, придуманном теми, кто служит фундаментализму и потреблению, при этом отделяя нас от вселенной, которая является бесконечным пред-чувственным источником.

[...] письмо является... не (просто) побегом от реальности, но попыткой изменить реальность, так что писатель может вырваться за пределы реальности.

Уильям С. Берроуз, Последние Слова

В «Последних Словах» Берроуз пишет о враге и двух его основных слабостях – отсутствии, во-первых, чувства юмора и, во вторых, «полной неспособности понять магию». В дальнейшем он обращает наше внимание еще на две слабости врага, касающиеся догматического научного подхода к феноменам, «которые происходят лишь однажды», и автоматически лишаются ценности из-за своей невоспроизводимости на практике, а также на то, что враг обладает «ненасытным аппетитом в отношении данных».

Мы увидели, что все пребывает в неразрывном единстве. Нет никаких противоречий и нет границ между мирами мысли и материи или любыми мирами и измерениями одушевленными и неодушевленными. Вместо этого мы познаем с голографическую Вселенную бесконечной взаимосвязанности, которая отвечает на грядущий зов шаманского бубна. Это самое важное для понимания того, как управлять и интерпретировать захватывающе эффективные, современные магические опыты Берроуза и Гайсина на основе метода нарезок, происходящих на спорной территории языка.

С рождения нас учат верить в то, что является лишь малой частью доступного нашему восприятию. При этом поведенческое, политическое и антропологическое прошлое нашего общества и культуры было создано и записано авторами, преследующими собственные цели, не заботящиеся о нашем душевном благоденствии, оставляющих нас запертыми в их текущем описании вселенной.

“Нет двух сущностей, происходящих из одной Вселенной... Узловая точка (наследие) настоящих сущностей во Вселенной соответствует развитию, путем ассимиляции, того, что называют «реальный мир»”.

С извинениями заимствовано из «Процесс и реальность»

Вернемся к кафе и проклятию Берроуза. Эксперименты показывают, что огромную часть своей жизни мы проживаем «во сне», отфильтровывая чувственные ощущения. Снимите на улице, как местные идут утром на работу. После добавьте проезжающую полицейскую машину, редактируя запись. Воспроизведите эту запись для тех же местных позже вечером. Если спросить их, является ли это записью их утра, большинство ответят «Да». Кроме того, они «вспомнят» проезжавшую полицейскую машину.

Берроуз работал с этим явлением. Это старая техника суггестии, которая пользуется слабостью нашей внутренней системы записи. При этом мы, возможно, сталкиваемся с чем-то более глубоким. Сознательное воздействие и изменение вне-чувствительной реальности при помощи формального ритуала.

«В заранее записанной вселенной – кто сделал первые записи?» Этот вопрос задавали Гайсин и Берроуз. Далее, если мы представим, что реальность равна записи, мы сможем редактировать, перестраивать, помещать в иной контекст и перепроектировать нашу реальность, и предположительно, реальность других людей, используя нарезки и сшивки.

Если это действует в соответствии с чьей-либо волей, как практический, лишенный мистического процесс, позволяющий нам привлечь внимание перста удачи и заставить его указать на себя – то есть, на практике, сделать так, чтобы вещи происходили в соответствии с нашими истинными желаниями, основанными и включающими в себя чистоту намерений.

Кроули говорил, что магия это «Научные методы с религиозными целями». Брайон Гайсин говорил о магии как о «Другом Методе, упражнении по управлению материей и познанию пространства, а также форме психической гигиены».

Так что же произошло с кафе? Если бы это было только внушением, оно бы действовало только пока Уильям воспроизводил свою запись, прогуливаясь вокруг. В это время, возможно, и не было посетителей. Владельцам кафе было совершенно необязательно знать о «проклятии». Однако факт – это место закрылось, и оставалось закрытым; несколько раз там ненадолго возникал провальный бизнес, спустя уже долгое время после того, как Уильям прекратил свои действия.

(Этот процесс) включает в себя обращение нашего обыденного понимания, вызывающего определенные эффекты. Причина должна предшествовать следствию в (настоящем) времени, однако она должна существовать в настоящем, чтобы вызвать это следствие.

Льюис Форд «Божественный Соблазн»

По словам Гайсина, для создания «Здесь, чтобы уйти» Уильям иногда использовал два кассетных магнитофона – держа каждый в руке, он случайным образом добавлял свой собственный голос, повторяющий заклинание, которое он написал для усиления своей магии. Одно такое заклинание стало частью звуковой дорожки «Колдовства через века» (или Нахан), темного и довольно китчевого скандинавского немого кино, для которого Берроуз сделал звуковую дорожку, поскольку, из-за каких-то странных обстоятельств, ловкий битник-кинопродюсер Энтони Балч получил права на распространение фильма в Великобритании. В нем была такая часть:

*Их закрой и дверь запри,
Навсегда оставь внутри.
Углы, щелки, дверь, окно,
Закрывай их все равно...*

Кроме магии диктофонов Уильям использовал нарезку фотографий в качестве дополнительной волшебной силы. Один раз, объясняя мне магию, он показал мне некоторые из своих дневников. На одно странице он соединял две фотографии. Одна была черно-белой фотографией квартала зданий на улице, где находилось проклятое им кафе «Мока». Под этим был второй снимок, тот же участок улицы, или, по крайней мере, так казалось на первый взгляд. Однако при более внимательном осмотре было видно, что Берроуз бритвой очень аккуратно вырезал это кафе. Склеив две половинки затем идеально вместе – за исключением отвратительной забегаловки.

Тот же принцип может быть применен к людям, которых кто-то хочет убрать из своей жизни, а различные варианты могут служить для разных нужд в зависимости от вашего воображения. Разумеется, эти современные внедрения в магическую практику могут с легкостью дополнять классические рецепты, если нужно. Например, положите вырезанное изображение в коричневый конверт с написанным карандашом призывом, черным перцем, битым стеклом, острыми бритвами и уксусом, а потом бросьте его через плечо на кладбище, и уйдите не оглядываясь.

Если принять, что Вселенная голографична, и что на мельчайших субатомных уровнях все элементы феноменов воздействуют на все остальные, действенность этих операций становится более чем правдоподобной. Я утверждаю, что магический взгляд на Вселенную присущ нам, как виду. В «Труде», Берроуз рассматривает тишину как желательное состояние. Этим он хочет сказать, что слова могут быть блоками для восприятия, в силу своей линейности в нашей языковой системе и того, как они сужают определения экспериментально наблюдаемых феноменов и действий.

По его мнению: «Слова... могут вставать на пути того, что я называю внетелесным опытом». Нельзя превращать человеческое тело в среду, которая включает в себя Вселенную. От этого рождаются ограничивающие шаблоны, которые препятствуют новым и/или радикальным открытиям. Рациональность и стандартное развитие физической биологии ограничивают сознание. Магический метод, который Берроуз предлагает, таков:

“Чего я хочу, так это научиться видеть больше, выглядывать наружу, получить, насколько возможно, полное осознание окружающего... Это получается у меня всё лучше, отчасти благодаря работе с блокнотами и переводу связей между словами и изображениями”.

Из интервью Конраду Кникербокеру «Третий Ум», 1967 год

Одним из требований западных магических орденов, сохраняющимся до сих пор, было ведение соискателем/неофитом ежедневного магического дневника, в который он должен записывать свои сны, синхронизмы, очевидное разрешение временных событий и желаний после магических операций. Это не так много данных для документирования и обоснования применяемой системы, но это позволяет осознавать постоянные, секунда за секундой, взаимоотношения с Иным, которые есть у всех нас.

Во Вселенной, где все «взаимосвязано, межпространственно и объединено», или, как описывает это Майкл Талбот, голографично, возможно сознательное ускорение энергий взаимодействия и практический подход к тому, чтобы с ними сотрудничать и прояснять все непонятные моменты путем методичного документирования. Похоже, что чем больше кто-то старается засвидетельствовать это слияние с изменениями, тем более благодарно это, чем бы оно ни было, реагирует.

В книгах Роберта Антона Уилсона и мифологии, проходящей через прозу Берроуза, вышеописанное взаимодействие символизируется числом 23. Не то, чтобы число 23 было «магическим» числом, которое выполняет «трюки» для человека, который его использует, скорее число 23 напоминает нам о постоянной пластичности наследуемой нами реальности, и имеющейся у нас возможности погрузить СЕБЯ в те качества, которые дают нам преимущество и позволяют развивать нашу жизнь. Оно отражает магический взгляд на жизнь, а не линейный или экзистенциальный. Что значимо, Гайсин и Берроуз не только вели традиционные дневники снов, но и расширили их на творческое измерение, включая нарезки, заголовки газет, фотографии, воображаемые маршруты и стихотворения в калейдоскопе визуализации многоячейной и многослойной «реальности».

Берроуз предлагал практические упражнения для того, чтобы усилить нашу оценку и практическое знакомство с проявлениями сновиденности:

“Попробуйте: тщательно запомните смысл отрывка, потом прочитайте его; вы обнаружите, что можете прочесть его так, чтобы слова не производили какого-либо звука в «ухе разума». Необычный опыт, который повторяется во снах. Когда вы сможете мыслить образами, без использования слов, вы на правильном пути”.

Уильям С. Берроуз «Третий Разум»

6 августа 1981 года я посетил Берроуза в Нью-Йорке. Он жил в доме 222 на Бауэри, в подвале, месте, которое в различных биографиях было обессмерчено как «Бункер». Берроуз представил мне книгу «Прорыв», написанную латвийским исследователем паранормального Константином Раудивом. В своей книге Раудив фиксирует сотни «записей» голосов, принадлежащих духам мертвых. Его метод был необычен, но прост: подключите детекторный приемник к стандартному бобинному магнитофону в гнездо для микрофона, включите запись и послушайте, что получится. Раудив обнаружил, что за стеной белого шума и скрипа можно услышать различные разборчивые предложения и сообщения, которые, как он полагал, исходили от душ в других измерениях, ассоциируемых с мертвыми.

Учитывая, что мы встретились в «День Хиросимы», как назвал его Берроуз, было ощущение, что довольно много мертвых душ хотели бы прорваться к нам. Мы установили старый магнитофон на кухонном столе, за которым он часто ужинал, пока жил в Нью-Йорке и включили запись. Через наушники мы по очереди слушали шумы и помехи на медленно тянувшейся магнитной пленке. Через полчаса мы воспроизвели то, что записали, стараясь подмечать мельчайшие детали звука. Как правильные, объективные ученые в лаборатории, мы делали записи, в блокноты и на диктофон. Это было почти что пародией на вскрытие по телевизору.

Какой был окончательный результат опытов в Бункере? Пусто! Ну, мы надеялись что-то получить, но слышали только ожидаемые скрипы и коротковолновые звуки, как в «Сумеречной Зоне». Тем не менее – а Кроули настойчиво этого требует от адептов – мы не попались в ловушку «жажды результата». Иногда достаточно лишь одного феномена для того, чтобы обосновать теорию, кое-что повторить невозможно. В рамках этого текста важно

то, что Берроуз действительно верил в возможность общения с душами после физической смерти, задолго до того, как объявил об этом в «Последних Словах».

Чтобы описать этот эксперимент, стоит упомянуть еще одно событие. В 1985 году Psychic TV записывали песню об умершем/убитом основателе Rolling Stones, Брайане Джонсе, она называлась “Godstar”. Продолжая быть под впечатлением от книги Раудива и упрямых попыток Берроуза продолжать эти исследования в качестве магической техники, я внезапно, повинуясь импульсу, сказал Кену Томасу (моему сопродюсеру и звукооператору) оставить пустой двадцать третью дорожку двадцатичетырехдорожечного магнитофона.

После того, как были записаны все части песни, я попросил его воспроизвести запись, выключив все каналы, кроме двадцать третьего. Этот канал был включен на запись, но без микрофонов или хотя бы приемников, пленка просто протягивалась через него, без каких-либо средств записи. Кен считал, что это было нелогично и «чуть жутковато», но, к его чести, все равно поступил так, как я попросил. Когда мы воспроизвели изначально чистую, без записи, пленку в канале двадцать три, мы, к своему удивлению, услышали несколько металлических щелчков! Мы раз за разом воспроизводили запись, и они на самом деле были там, и точно появились во время нашей записи в порядке эксперимента Раудива/Берроуза – но это казалось случайностью, и у этого не было «голоса». Внезапно меня осенило, и я предложил Кену проиграть этот трек, дополнив записью вокала и части музыки. Звуки щелчков возникали точно во время последовательности слов, звучавших как: «Хотел бы я быть с тобой сейчас, хотел бы я как-то тебе сказать...» (После, я поменял слова на «Хотел бы я как-то тебя спасти»).

Если честно, я принял это за знак одобрения этой песни и её послания, гласившего, что Брайан Джонс был убит и затравлен прессой в свои последние дни. Он стал, для меня и многих других поклонников его иконографии, козлом отпущения в собственно магическом и священном смысле. Принесенным в жертву, как минимум, невежеству и жадности потребителя и материалистической машине линейной реальности. Тот факт, что в то время, когда мы записывали песню, общественное мнение, на основании вердикта коронера, считало это «несчастливым случаем» не значило для меня ничего, а газеты развлекались спекуляциями о том, что он утонул от приступа астмы, или что он был настолько удолбан наркотиками, что утонул на глазах своей тогдашней подружки и гостей.

Наше «магическое» сообщение предполагало, что здесь кроется нечто большее, и позже, уже в 90-е, рабочий, нанятый Джонсом, Фрэнк Торогуд, на смертном одре признался, что убил Брайана Джонса, утопив его. В какую бы версию вы не верили, я считаю, что можно установить связь с реальностью, которая считается Иной, используя простейшие звукозаписывающие устройства.

Берроуз и Гайсин рассказали мне то, о чем я вспоминал всю оставшуюся жизнь. Они указали на то, что алхимики всегда использовали самое современное оборудование и средства вычисления, самую точную науку для своих дней. Так что для того, чтобы быть эффективным практикующим магом наших дней, необходимо использовать наиболее практичные и современные технологии своей эпохи.

В нашем случае это означало кассетные магнитофоны, Машины Сновидений и стробоскопы, камеры «Полароид», копировальные «Ксероксы», А-Прим в вашем случае, на момент написания этого текста, ноутбуки, психоделики, видеозапись, DVD и Интернет.

Обратите внимание на то, что ранее мы рассматривали нашу Вселенную как голографическую сеть, созданную из бесконечного пересечения частот (истины). Таким образом, все, что может использоваться для записи и/или воспроизведения «реальности» является магическим инструментом, а также оружием контроля.

Быть Четвертым: Посмотрите на это изображение – оно постоянно?

Первый вопрос, который задал мне Брайон Гайсин в Париже в 1980 был: «Известно ли тебе твое истинное имя?» Я ответил «Да» (подразумеваю Джenezис, а не нареченное мне имя Нил) и затем спросил, настолько непринужденно, насколько мог: «Расскажите мне о магии?»

Брайон Гайсин родился в Таплоу, в Англии в 1916 году, характерной особенностью его посещения этого мира (слово «посещение» я использую потому, что до смертного дня в 1986-м Брайон настаивал на том, что человеческое рождение «приключилось с ним по ошибке») было его убеждение в том, что он попал не туда, что это было завихрение другого, возможно, параллельного измерения реальности, подкрепленное его замечательным глубоким чувством иронии и Инаковости, и данное убеждение было центральным качеством в основании его магической художественной работы.

Гайсин был медиумом, человеком Ренессанса в двадцатом веке, исследователем и инноватором многих видов искусства. Дисциплинированный от природы, он постоянно рисовал и писал, развивая свои каллиграфические путешествия до того, что Берроуз назвал «...картины с точки зрения безвременного космоса».

В ходе моих разговоров о магии с Берроузом в 70-х мне стало очевидно, что Гайсин был ключом ко всей истории магического развития и техникам культурной алхимии, которая привлекла меня к этим битникам, поэтому я решил познакомиться лично. В ходе моих разговоров о магии с Гайсином мне разрешалось использовать принесенный диктофон только при условии, что запись будет выключена при произнесении определенных ключевых наставлений. Как он просто объяснил мне: «Магия передается соприкосновением рук». Другими словами, определенные идеи и методы передаются от учителя к ученику, один на один, при непосредственном присутствии обоих. Этого соглашения мы с тех пор и придерживались, так и будет. Тем не менее, сам факт, подтверждение от него самого, что его работа была современной магией, а не просто художественным или литературным опытом было на моем личном пути большим утешением и придало мне решимости.

Это Гайсин первым определил потенциал нарезок для улучшения и дополнения письма и искусства, а также в качестве современного применения магии. В сотрудничестве с Йеном Соммервилем и Берроузом он изобрел и сделал доступной Машину Сновидений; «первое произведение искусства, которое следует разглядывать с закрытыми глазами», её история и влияние прекрасно раскрываются в книге Джона Гейгера «Часовня Экстремального Опыта». В этой книге впервые, в калейдоскопическом циклоне, урагане революционной научной информации и ультравизионерского творчества, мы встречаемся с крайне важным креативным и концептуальным исследованием сознания с помощью «строба».

Берроуз и Гайсин часто цитировали Хасана и-Саббаха, «Старца Горы», который, из своей крепости в Аламуте в Иране, как говорили, управлял, используя жестоких ассасинов, значительной частью арабской цивилизации. Его лозунг «Ничто не истинно, Всё дозволено» повторяется снова и снова, особенно в книгах Берроуза. Это не так уж далеко от телемитского «Твори свою волю, это и будет закон», и к этой теоретической связи Берроуз обращался до конца своих дней.

Гайсин провел двадцать три года жизни в Марокко. В это время он владел рестораном под названием «Тысяча и одна ночь» и группа под названием «Master Musicians of Jajouka» развлекала его гостей своей музыкой. Он рассказывал, и не раз, о том, как его бизнес рассыпался после того, как он нашел магическое заклятие, «нечто вроде довольно сложного амулета, с семенами, камешками, частицами разбитого зеркала – всего по семь, и маленькой

упаковкой, в которой была записка... с призывом к огненным дьяволам забрать Гайсина из его дома».

Вскоре после этой находки он потерял свой ресторан и навсегда вернулся в Париж. Во время одного из моих первых визитов в Париж к Гайсину мне был дарован особый вечер. Пару часов посмотрев в Машину Сновидений, Бахир Аттар, в ту пору сын главы «Мастеров Жажуки» – а теперь, после кончины его отца, сам глава – и его брат приготовили мне церемониальный ужин. Во время этого пира Бахир играл на флейте музыку, которая, как он сказал, призывала Джиннов, маленький народец, и духов, который принесут великую удачу слушателю. Несмотря на ощутимое давление эпохи, наступившей после потери ресторана, крепкие магические связи между древней системой магии и самыми современными разработками Гайсина никуда не исчезли.

Одной из техник, которые Гайсин использовал чаще всего, были каллиграфические магические квадраты. Он редуцировал имя или идею до «иероглифа» и исписывал им лист слева направо, поворачивал лист и писал снова, потом еще раз, создавая многомерную решетку. Гайсин полагал, что такое «заполнение» позволяло Джиннам действовать, управляя материей и познавая пространство. Те же техники и намерения пронизывали его картины и были, в прямом смысле, сознательной магией во всем, что он создавал.

Уильям С. Берроуз так описал главную особенность картин Гайсина:

“Любое искусство в своей основе является магическим... нацеленным на очень четкие результаты. Искусство функционально, оно существует для того, чтобы что-то произошло. Возьмите печь для керамики, отсоедините и поставьте посреди своей гостиной, это может стать хорошо выглядящим трупом, но она более не функциональна. Пещерные рисунки и надписи производились для того, чтобы обеспечить добрую охоту. Картины Брайона Гайсина касаются магического корня искусства напрямую. Его картины должны привести зрителя в безвременной вечно-подвижный мир магии, пойманный кистью художника. Его картины можно назвать космическим искусством. Время в них предстает сериями образов или фрагментов прошлого, настоящего, или будущего”.

Гайсин чувствовал себя в плену и под давлением материи, но с надеждой вел поиск методов преодоления Контроля и ожиданий. Он не воспринимал что-либо как вечное и фиксированное, сократив самые угрожающие формулы языка до оживленных изменений, которые стали вратами к освобождению поведения. Если Вселенная, как было показано, состоит из взаимопересекающихся частот, пульсирующих и резонирующих в различных взаимосвязанных ритмах, его поиски пульса будущего должны освободить тело и разум от всех форм линейности. Каждый магический квадрат является голографическим, полным единства. Скрученное изображение в сетках Гайсина – это подтверждение и иллюстрация магических идей как шаблонов, упражнений со словами и плотными нарезками текстов. Мы видим сложный, очень серьезный разум, оккультного алхимика, прячущегося в своей иронии.

В работах и текстах Гайсина нам посчастливилось учиться у совершенного рассказчика. Опробованное на практике, пост-технологическое шаманское руководство по освоению разума, с упражнениями, средствами навигации и информацией, необходимой нам в процессе магического выживания и исследования в том странном месте, где разворачивается наше физическое существование. Крепость, называемая миром, обществом и жизнью лишь иногда позволяет просочиться фундаментальным вопросам.

Рациональность и материальность создали массу инерции, столь могучую, что она способна уничтожить наш потенциал выживания и эволюции как вида. С переходом в двадцать первый век появляется все больше причин для обращения к изучению учений Берроуза и Гайсина. В то время как наука подтверждает открытие о нейросфере

пространства-времени как голографической вселенной, у меня нет сомнений, что Берроуз и Гайсин, переосмысленные как алхимики культуры и практикующие маги, будут оценены за основополагающее влияние их экспериментов по управлению культурой.

Эти открытия раскрывают нам потрясающее мастерство провидения. Берроуз и Гайсин используют серийный соблазн подробностей. Смыслы разбиваются и рассеиваются для того, чтобы стать более точным и правдивым отражением измерения, которое мы бессмысленно ограничиваем, используя слово-тюрьму «реальность».

Последовательный поток событий ниспровергается, пока мы читаем, открывая хрупкость и нарушения в привитом нам для упрощения поведения и внедрения иллюзорного смысла фильтре чувств. Ничто не остается таким, как кажется, но становится таким, как его видят. Противоречивые виды опыта изображаются как равно воспринимаемые, параллельные образы и мысли. Повседневный мир становится странным и тревожным.

Берроуз и Гайсин, как умелые маги, поймали эластичность реальности и наше право управлять тем, как она разворачивается так, как нам хочется и нравится. Они отстаивают наше право на активное участие в процессе восприятия, и их предложения по поводу природы чувств по-прежнему остаются революционными. Пока мы пробираемся через дебри и туман нашего биологического существования и бесконечные виды нашего сознания, сознание, бесконечная голографическая Вселенная, с улыбкой взирает на нас, и, благодаря магическим квадратам их методов и безумию, которым они нас снабжают, нам дана уникальная перспектива и доступная передышка, равновесие для возможности накопить новые и ценные данные для будущего.

Мы не касаемся здесь вопросов веры; вера не слишком влияет на эти эксперименты. Мы, скорее, видим пророчества, основанные на магическом видении Вселенной и появляющиеся в результате практического приложения алхимических теорий и упражнений. На деле, мы смотрим на раннюю работоспособную модель будущего, в которой определено положительное, благодарное развертывание наших дремлющих качеств как вида, оно описывается тщеславной надеждой, что мы «отбросим всякую рациональную мысль» и перейдем на экстатический путь творческих возможностей.

Некоторым образом это похоже на обучение боевому искусству. Мы развиваем свои медиа-рефлексы и ускоряем свои возможности импровизации для максимального развития нашего индивидуального потенциала и выгоды дорогих нам людей или для достижения целей, о которых мы мечтаем. В различных своих работах по действию медиа Даглас Рашкофф пронизательно подводит нас к переоценке унаследованного нарратива исходного источника нашей культуры и жизни. Его выводы очень схожи с моими утверждениями относительно Берроуза и Гайсина, что сама история начала это исследование – налагаемый на нас в детском возрасте социальный нарратив, программы, которые с легкостью позволяют поддерживать статус кво без критики; и компоненты, указывающие на обучение линейности и серийную феноменологическую Вселенную становятся очевидной иллюзией и специально созданной инертной конструкцией. Картина «реальности» разработана теми, кто преследует свои интересы в том, чтобы мы сдались культурному бессилию и всем видам навязчивого потребления.

Прошлое управляет людьми, заставляя их сдаваться на милость закрытой системы, где законы физики остаются постоянными, а предсказуемость является желаемым состоянием во все более жестко закрепленном глобальном мировом порядке. Тем не менее, мы входим в цифровое будущее, голографическую Вселенную, где, по крайней мере, теоретически, каждое разумное существо на Земле будет взаимосвязанным, интернациональным и взаимодействующим.

Требуются совершенно новые средства навигации. Возможности бесконечны. Я хотел бы, чтобы создание наших собственных нарративов становилось все более автономным, пластичным и вариативным, чтобы новое будущее, будущее всеобщее, укорененное в идее открытых источников, на которые мы можем влиять при помощи логических и алхимических средств, стало критичным для выживания нашего вида, его конкурентоспособности и эволюционного развития.

Будущее, которому Берроуз и Гайсин и их современное оккультное братство, предоставили пророческие, функциональные навыки и нелокальные точки видения для того, чтобы научить нас быть наготове для грядущих непредсказуемых эстетических и социальных спазмов.

Примечания:

1. См. *Even Further: The Metaphysics of the Sigil*, авт. Пол Сесил в *Painful But Fabulous*.
2. Другой маг из другой школы назвал бы их «эгрегорами».

© Джenezис Брейер Пи-Орридж, 2006, текст